

вилась в Восточной Европе, где она была не нужна, а где требовалось проповедническое искусство, способное обслуживать нужды христианской церкви. Светская литература Византии осталась чуждой народам Восточной Европы, заинтересованным в создании национальной письменности, а не в заимствовании письменности, традиции которой восходили к литературе античности и эллинизма.

Вторая книга Любарского, содержащая перевод «Хронографии» Пселла, дает возможность читателям, не знакомым с греческим языком, познакомиться с одним из наиболее значительных произведений средневековой литературы в сочетании с его исследованием и подробными комментариями. Благодаря искусно выполненному переводу, прекрасному знанию языка переводчику удалось сохранить своеобразие стиля автора, живость изложения, манеру характеристики героев, умение показать их внешность, пороки и достоинства, поведение в различных жизненных обстоятельствах, что помогает лучше понять и представить себе византийское общество той эпохи. Положения, высказываемые автором в его ис-

следованиях, получают наглядную иллюстрацию при чтении перевода.

Обе рассмотренные в настоящей рецензии книги являются, на наш взгляд, значительным явлением в советском литературоведении.

Автором допущены некоторые недосмотры. Так, в первой книге в археографическом обзоре сочинений Пселла не учтены списки, хранящиеся в собраниях Советского Союза. В качестве иллюстраций к тексту (помещенные в начале глав «Хронографии» изображения императоров) лучше было бы использовать такие же изображения, имеющиеся в рукописи новогреческой «Хроники Псевдо-Дорофея» (Ленинград, Библиотека Академии наук СССР, собрание иностранных рукописей, F № 240), нежели заимствовать эти изображения из печатного издания. На с. 231 второй книги упомянутую имя Василия Нового Богослова — вероятно, речь идет о Симеоне Новом Богослове? Там же, на с. 179, согласно подписи, изображение Романа IV датируется 950 г., в то время как этот император правил более века спустя.

Е. Э. Гранстрем

Я. Н. Шапов. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.

Книга Я. Н. Шапова написана на основе докторской диссертации, защищенной в 1977 г. Она состоит из введения (с. 3—12) и четырех глав. Во введении автор обосновывает выбор темы своего исследования, его хронологические рамки и определяет те основные методологические принципы, которыми он намерен руководствоваться при подходе к материалу и его интерпретации.

Предметом исследования Я. Н. Шапова является история правового византийского и южнославянского наследия на Руси на ее раннем этапе — в XI—XIII вв. по преимуществу (хотя и не исключительно) — история так называемых «кормчих книг» — сборников канонического права. Исследователь поставил своей целью рассмотреть историю рецепции, модификации и развития кормчих книг на Руси в органичной связи с особенностями социально-экономического, политического и идеологического развития Русского государства в указанную эпоху. Только такая постановка вопроса способна дать ответ на такие важные вопросы, как круг появившихся на Руси переводных правовых памятников, критерии отбора, обеспечившие рецепцию одних норм иноземного законодательства и неприятие других, и, наконец, практические цели заимствования — каким конкретно институтам и явлениям древнерусского общества такое заимствование соответствовало и способствовало их развитию (с. 7).

Непрерывным условием такого подхода, кроме того, должно было быть предварительное и достаточно четкое выяснение уровня, характера, специфики действующих юридических норм и са-

мого правосознания на Руси ко времени, когда началось активное усвоение норм византийского и южнославянского права. Это последнее условие было, однако, в существенной мере уже подготовлено (до разработки темы рецензируемого исследования) более ранними научными занятиями автора¹.

Первая глава книги («Кормчие книги как предмет изучения» — с. 13—39) дает представление о состоянии научных исследований кормчих книг в работах предшественников Я. Н. Шапова, содержит обзор и характеристику выявленных списков кормчих и излагает основные методические приемы их изучения, принятые автором и разработанные им в связи с конкретными задачами своей работы.

Автор отдает должное своим предшественникам, тщательно и скрупулезно регистрируя их вклад в исследование разрабатываемой темы. Тем не менее сопоставление историографического обзора с результатами исследования самого автора позволяет сказать, что до выхода в свет рецензируемой монографии кормчие книги, составляющие значительную часть рукописного фонда древнерусских и южнославянских памятников, оставались скорее забытыми музейными реликвиями, чем введенными в научный обо-

¹ См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М.: Наука, 1972; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я. Н. Шапов. М.: Наука, 1976; см. также список относящихся к теме работ Я. Н. Шапова в последнем из названных изданий (с. 217—218).

рот ценными историческими источниками. Труднообозримое без специального разыскания (теперь осуществленного автором) число рукописей, бросающаяся в глаза при поверхностном знакомстве «однотонность» содержания, количественное преобладание церковно-догматического аспекта правовых норм — все это «отпугивало» исследователей уже в XVIII в. — тогда, когда кормчие книги еще находили широкое применение в церковно-юридической практике Российской империи. Да и в течение следующих полутора веков находились лишь отдельные энтузиасты, которые брали на себя тяжкий труд частичной классификации и источниковедческой обработки этого обширного рукописного фонда. Так что автор с полным правом заключает: «Для истории древнерусского права, истории античного и византийского наследия на Руси, древнерусской общественной мысли и философии, даже для истории межславянских связей кормчие книги остаются в значительной степени книгами „за семью печатами“, ценность которых как исторического источника практически не определена» (с. 33).

Исследование Я. Н. Шапова — исследование по преимуществу рукописных памятников, так как кормчие книги в массе своей остаются неизданными. Из 180 списков различных редакций, хранящихся в библиотеках и архивах Советского Союза, несколько десятков впервые выявлены самим автором. Все эти списки изучены им непосредственно, как и некоторые списки, хранящиеся в библиотеках Польши и Румынии. Для детального анализа автор отбирал списки старших редакций XI—XIII вв., легшие в основу большинства более поздних (с. 36). Текстологическое изучение велось при этом двумя параллельными путями: анализировались различия в составе списков кормчих и детально исследовались отдельные произведения из этого состава, которые представлялись наиболее важными для темы и наиболее показательными для истории кормчих (с. 38—39).

Вторая глава («Древнеславянская кормчая на Балканах и на Руси» — с. 40—116) посвящена исследованию ранних этапов рецепции и бытования кормчих у южных славян (у болгар) и на Руси. Автор освещает такие вопросы, как состав и особенности основных редакций самых ранних древнеболгарских кормчих, установившая при этом их архетип, как источники кормчей, место дополнительных статей в ее составе, вопрос о времени и обстоятельствах появления славянских кормчих и их проникновения на Русь. Автор приходит к убедительному выводу, что сборники 14 титулов (Синтагма и Номоканон) были основным источником кормчих, что первыми славянскими кормчими были древнеболгарские, которые следует датировать концом IX—началом X в. (не ранее 912 г., когда были внесены, видимо, последние дополнительные статьи) (с. 67, 96). Именно древнеболгарские переводы кормчей «в форме Ефре-

мовской редакции проникли на Русь в XI в., возможно во второй его четверти, при Ярославе Мудром» (с. 101).

Впрочем, судьбы древнеславянских кормчих на Руси Я. Н. Шапов прослеживает в этой главе не только на раннем этапе, но вплоть до XVI в. Заслуживают особого внимания наблюдения автора, свидетельствующие о том, что уже во второй половине XII в. Ефремовская кормчая подверглась на Руси значительной переработке и что именно эта переработка получила на новой почве широкое распространение (с. 103 сл.).

В третьей главе («Сербская редакция кормчей» — с. 117—158) рассматривается новый этап в истории кормчей на Руси, связанный с использованием Сербской редакции конца XII в. (ее окончательное оформление приписывается архиепископу Сербии Савве) и характеризуемый более активным, творческим подходом к иноземным заимствованным юридическим сборникам подобного типа: все больше и все смелее в кормчие стали включать статьи местного, русского происхождения, причем сразу же после того, как эта редакция в 1262 г. была выписана киевским митрополитом Кириллом (с. 146 сл., 154 сл.). Прослеживает автор историю этой редакции и на Балканах и на Руси, дав соответствующие архетипы ее списков (с. 133 и 137).

Четвертая глава («Русская редакция кормчей XIII в.» — с. 159—233) основана на наибольшем числе рукописей (130 из общего числа 180), впервые введенных автором в научный оборот и во множестве впервые выявленных им же в книгохранилищах Советского Союза.

С созданием Русской редакции в 1260—1270-х годах, получившей впоследствии наибольшее распространение на русской земле, Я. Н. Шапов связывает третий период истории кормчих на Руси, когда кормчая на Руси как юридическая компиляция приобрела ярко выраженный оригинальный, местный характер, когда в нее стали включаться не отдельные нормы русского происхождения, но целые юридические древнерусские памятники. Эта компиляция, «не имевшая аналогий в византийской и южнославянской письменности... в значительно большей степени, чем оба основных ее источника, соответствовала условиям развитого феодального общества Руси второй половины XIII в.» (с. 243).

История Русской редакции разработана автором (и это вполне понятно) особенно детально. Важно и интересно заключение Я. Н. Шапова, что процесс составления русской кормчей прошел два этапа: первый (60—70-е годы XIII в.) был связан с деятельностью киевского митрополита Кирилла, второй же (70—80-е годы того же столетия) — с творчеством канонистов Северо-Восточной Руси (предположительно Ростова и Переславля Суздальского). Оба извода послужили источником для множества списков, но киевский «оригинал» получил преимущественное распространение в Юго-Западной Руси и на белорусских и украинских землях

Литовского княжества, тогда как северо-восточный, помимо княжеств этого региона, был известен в Новгородчине и Псковской земле. Для русской кормчей обоих видов было характерно включение памятников светского права, в силу более широкой юрисдикции церковного суда на Руси, чем в Византии и южнославянских странах. На с. 160 автор дает общий архетип списков Русской редакции кормчей.

Заключение к книге (оно озаглавлено «Кормчие книги на Руси в XI—XIII вв.» — с. 234—254) представляет собой развернутое обобщение наблюдений и выводов автора во всех главах и разделах книги. Оно хорошо продумано и четко изложено — обстоятельство, на наш взгляд, особенно важное для работ подобного источниковедческого характера, связанного с тонким и громоздким анализом рукописного материала.

Кроме того, книга содержит приложение, включающее описание 53 списков кормчей, отобранных автором в качестве репрезентативных для детального исследования (с. 255—275), указатели имен, географических названий и шифров рукописей советских и зарубежных собраний.

Тема рецензируемого исследования возникла, по словам Я. Н. Шапова, «на стыке исследований международных политических и культурных связей в Европе, с одной стороны, и политического и правового развития Руси в периоды раннего и развитого феодализма — с другой» (с. 8). Автор увидел возможность раскрыть проблему культурно-правового взаимодействия народов в феодальную эпоху на основе крупного и цельного комплекса письменных памятников. Отдельные аспекты этой темы Шапов начал разрабатывать уже в конце 60-х годов, постепенно входя в проблему, изучение которой требовало специальной подготовки в столь специфических отраслях, как теология, догматика, литургика, кодикология, палеография.

На рукописном материале, который может быть назван массовым, Шапов убедительно определил границы культурно-правового византийского влияния в Древней Руси, вскрыл и самый «механизм» этого культурного взаимодействия, те конкретные формы отбора, трансформации и синтеза, в которых совершалось восприятие иноземных культурных ценностей. Даже в столь консервативной, освященной длительной религиозной и государственной традицией сфере сознания средневекового человека, как церковное право, культурные и государственные деятели Древней Руси исходили прежде всего из потребности практики, избирая и активно приспособляя к местным условиям лишь те византийские правовые нормы, которые соответствовали формам общественно-политической жизни, сложившимся в ходе исторического развития Древнерусского государства. Хорошо аргументированным представляется вывод автора, что с течением времени процесс усвоения греческих текстов правового содержания посте-

пенно сужался за счет возникновения и введения в практику собственных древнерусских правовых норм.

Весьма важной заслугой Шапова следует признать и ту разработанную им систему методических приемов исследования кормчих книг, которая сочетает археографическое, палеографическое и кодикологическое их исследование с текстологическим анализом, подводящим автора к широким обобщениям.

О колоссальном труде свидетельствуют упоминавшиеся выше генеалогические схемы, в которых наглядно суммированы выводы автора о происхождении, соотношении и распространении во времени трех семей рукописей старших редакций кормчих (древнеславянской, сербской и русской). Убедительно обоснована и связанная с этими схемами периодизация истории кормчих книг на Руси, четко согласованная с тремя периодами развития Древнерусского государства и истории его международных отношений.

Трудно переоценить значение выявленных автором и введенных в научный оборот десятков новых, неизвестных ранее или почти не изученных рукописей кормчих книг, содержащих — помимо прочего — важнейшие древнерусские юридические памятники (в том числе Русские правды).

Безусловно, среди серьезных достоинств монографии Шапова следует отметить также критическое использование и обнародование автором результатов недавних исследований одного из крупнейших русских знатоков канонического права — византиниста Владимира Николаевича Бенешевича².

Что касается недостатков исследования Шапова, то их характер таков, что сколь угодно серьезные замечания возможны лишь в том случае, если вслед за автором проделать такой же объем работы. Наши замечания поэтому минимальны.

Приходится пожалеть, что в книге, в ее конце, не нашлось места для списка использованной автором библиографии: постраничные ссылки не восполняют этого пробела.

Иногда при пересчете дат византийского летосчисления (при сентябрьском годе) «от сотворения мира» автор забывает, что для времени года от 1 сентября до 1 января от цифры, обозначающей год «от сотворения мира», нужно для получения действующего ныне летосчисления (при январском годе) вычитать не 5508, а 5509. Так, 10 ноября 6770 г. (когда болгарские писцы начали переписывать Сербскую редакцию кормчей для киев-

² Я. Н. Шапов, в частности, возглавил коллектив советских ученых, подготовивший к печати начатую, но не законченную В. Н. Бенешевичем публикацию всех известных на сегодняшний день русских текстов Древнеславянской кормчей. Эта работа — в качестве II тома издания В. Н. Бенешевича «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования» — находится ныне в печати в Болгарии.

ского митрополита Кирилла) соответствует не 1262, а 1261 г. Следовательно, и определение Шаповым дня недели, приходящегося на 10 ноября (якобы четверг), и последующие на этом основании рассуждения становятся беспредметными (с. 149; ср. с. 183—184, где подобные хронологические выкладки сделаны безупречно).

Определение при латинском *jus* на с. 250 приведено почему-то не в среднем, а в мужском роде. Греческие тексты и термины воспроизведены сплошь и рядом с погрешностями разного рода (см. с. 51, 53, 55, 56, 58, 61, 75, 79 и т. д.).

В. Д. Лихачев. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. 22 с. + 62 табл.

Альбом воспроизведений памятников книжного искусства Византии из собраний советских библиотек и Гос. Исторического музея в нашей стране издан впервые. Великолепные образцы художественного оформления рукописей, в оригинале доступные лишь узкому кругу специалистов, стали достоянием всех, кто интересуется вопросами истории искусства средневековой книги.

Издание византийских миниатюр имеет весьма существенное значение не только в плане расширения их известности, но и для определения и систематизации памятников, которые на сегодняшний день в лучшем случае известны лишь по упоминаниям в литературе, с указанием названия, места хранения и даты, которая, к сожалению, не всегда находит подтверждение при монографическом изучении рукописи. Именно поэтому издание альбома, подготовленного к печати В. Д. Лихачевой, заслуживает самого горячего одобрения. Ограниченная рамками альбомного жанра, составительница предпочла включить в состав публикуемых памятников наиболее известные и значительные. Часть из них, необходимо отметить, монографически исследована автором альбома.

Очерк В. Д. Лихачевой прежде всего знакомит читателя с византийским книжным искусством как замечательным проявлением достижений средневековой культуры, обусловленным исторически сложившимися причинами и связанным в своих истоках с античной традицией. Автор очерка говорит о превратностях судьбы в истории византийских кодексов, об особенностях письма и его эволюции, о функциональной роли и эстетическом значении элементов художественного декора рукописи — одним словом, обо всем том, что делает книгу живым организмом и памятником культуры своей эпохи. Кратко освещены и пути, которыми пришли издаваемые памятники в наши книгохранилища, среди которых особенно выделяются своими богатствами Гос. Исторический музей в Москве и Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Но и другие хранилища, располагающие сравнительно небольшими коллекциями греческих средневековых рукописей, такие, как Научная

Отдельные географические наименования в указатели даны в косвенных падежах (Ахелое, Иловице).

В целом, однако, монография отличается продуманностью ее структуры и тщательностью подготовки к печати. Вряд ли можно ошибиться, предвещая труду Я. Н. Шапова длительное сохранение его научной ценности: он, несомненно, привлечет пристальное и благодарное внимание широкого круга специалистов по истории и истории права Древней Руси, Византии и южнославянских стран.

Г. Г. Литаврин

библиотека Московского университета, Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центральная научная библиотека АН УССР, могут по праву гордиться входящими в их состав памятниками, без привлечения которых сейчас невозможно сколько-нибудь обстоятельно осветить книжное искусство Византии в его историческом развитии.

Один из разделов очерка В. Д. Лихачевой отведен таким сравнительно ранним памятникам, как Хлудовская Псалтирь (ГИМ, греч. 129), так называемое Пурпурное Евангелие (ГПБ, греч. 53), Трапезундское Евангелие (ГПБ, греч. 21), каждый из которых давно нуждается в монографическом исследовании на современном научном уровне; здесь же освещены классические памятники книжного искусства XI—XII вв., а также эпохи Палеологов — последнего периода в истории Византийской империи, уже стоявшей на пороге своей политической гибели. Поразительно, что и тогда византийцы создавали высокие образцы книжного искусства, такие, как Акафист Богородицы (ГИМ, греч. 429) и Четвероевангелие (ГПБ, греч. 118), послужившие предметом специальных разысканий В. Д. Лихачевой¹.

На наш взгляд, в тексте дано максимум из того, что можно было сказать в альбомной статье. Достаточно четко очерчены этапы в истории византийской миниатюры, верно охарактеризованы сами памятники. Важно и то, что листы рукописей с миниатюрами воспроизведены в цвете, целиком и в размер оригинала. Это в значительной степени облегчает пользование альбомом для тех исследователей, которые не имеют возможности часто обращаться к оригиналам. Воспроизведение листов иллюминированных рукописей дано по одной схеме: сначала помещено воспроизведение книжного разворота, затем следуют репродукции от-

¹ *Lixacheva V. D.* The illumination of the Greek Manuscript of the «Akathistos» Hymn (Moscow, State Historical Museum, Synodal gr. 429). — DOP, 1972, 26, p. 253—262; *Лихачева В. Д.* Судьба одной средневековой книги. — Книга, 1969, т. XVIII, с. 201—209.